

10/93

ОСНОВАН В МАРТЕ 1939 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

ВЯЧЕСЛАВ ПЬЕЦУХ	В чем наша вера	3
<hr/>		
ПРОЗА И ПОЭЗИЯ		
ГЕННАДИЙ АЙГИ	Из книги «Поклон-пению». Вариации на темы чувашских и татарских народных песен (1988—91)	11
АЛЕКСЬЕ АДАМОВИЧ	Vixi. Законченные главы незавершенной книги	14
АРКАДИЙ КАЙДАНОВ	Загоняем сердца, как коней... Стихи разных лет	93
ИРИНА МУРАВЬЕВА	Ляля, Наташа, Тома... Повесть	98
БОЗОР СОБИР	Осень в сердце... Стихи. С таджикского. Перевод М. Синельникова	118
РЕЙНПЫДЕР	Цветущая комната. Рассказ. С эстонского. Перевод Н. Абашиной	120
АНДРЕЙ ВОЗНЕСЕНСКИЙ	Россия воскресе. Безразмерный молитвенный сонет	123
<hr/>		
ПУБЛИЦИСТИКА		
АЛЕКСЕЙ МАЛАШЕНКО	Ислам в нашем доме	151
ВЛАДИМИР МЕДВЕДЕВ	«Как тяжко мертвому среди людей...» Три типа сознания в «Преступлении и наказании»	160
<hr/>		
НАЦИЯ И МИР		
Ю. КАГРАМАНОВ	Украинский вопрос	175

ВЛАДИМИР МЕДВЕДЕВ

«Как тяжко мертвому среди людей...»

ТРИ ТИПА СОЗНАНИЯ
В «ПРЕСТУПЛЕНИИ И НАКАЗАНИИ»

160

Гигантская «тень будущего» падает из нашего времени на последнюю третью XIX века, когда писалось «Преступление и наказание»... Слова, взятые в кавычки,— не образ, а скорее термин. Согласно синергетике — новейшей теории самоорганизации сложных систем, к коим относится и общество, будущее состояние системы как бы притягивает, организует, формирует и изменяет ее национальное состояние.

Из этого совершенно потрясающего постулата следует, что каким-то непостижимым образом на прошлое России влияли и, более того, формировали его — и большевистский переворот, и кровь гражданской войны, и сталинский террор, и разброда, шатание и раскол нынешней нашей жизни...

Даже если счесть это предположение фантастическим домыслом, все же нельзя не увидеть, как ярко отразились наиболее больные проблемы современной России в великих романах Достоевского. Они написаны словно бы для нашего, а не для того времени.

Но сумели ли мы прочесть их?

Нет, пожалуй, ничего удивительного в том, что в «Преступлении и наказании» — романе, читанном и изученном вдоль и поперек — осталось все еще немало тайного и непонятого. Каждая эпоха находит в великих книгах какое-то свое, только к ней обращенное послание. (Мысль эта общеизвестна, но ее не обойти, говоря о Достоевском, масштаб наследия которого сопоставим, по моему убеждению, с эпосами, созданными целыми народами.)

Совсем недавно в России вспыхнуло было общий интерес к Достоевскому, и все принялись цитировать его с тем же увлечением, что и запретных прежде Розанова или Бердяева, словно и он вышел только что из «спецкрана». Сейчас увлечение поутихло. Кажется, что Достоевский исчерпан — его социальные пророчества сбылись, итоги его напряженных нравственных исканий стали уже общим достоянием...

Исчерпан, однако, не сам Достоевский, а нынешний уровень осмысления его творчества. Оно многомерно, и за каждым «освоенным» читателями измерением разворачиваются все новые и новые пространства, невидимые прежде. Девятнадцатый век видел в Достоевском писателя социального. Начало нашего столетия обнаружило в нем великого психолога. Сейчас на пороге новой эпохи мы открываем в нем оригинального исследователя человеческого сознания.

В сохранившихся бумагах Достоевского раздумия о сознании впервые высказаны в дневниковой записи от 16 апреля 1864 года, сделанной в день смерти его жены Марии Дмитриевны.

Кому-то может показаться странным и даже безнравственным, что у гроба жены Федор Михайлович задумался о предмете столь отвлеченном, однако, соприкосновение с самым великим личным событием в жизни человека — со смертью — сметает границы личного, распахивая бездонную глубину бытия. Способный узреть — да узрит! Записанные наспех, кое-как, первыми пришедшими на ум словами размышления Достоевского напоминают об озарении Будды. Он увидел ту же истину, что и Шакьямуни, выразив ее в иных понятиях.

Вот что записал Достоевский.

«Когда человек живет массами (в первобытных патриархальных общинах, о которых

остались предания) — то человек живет **непосредственно**. Это цельное, первобытное сознание, в котором полностью отсутствует отдельное личное, индивидуальное...

Однако в ходе развития человечество достигает эпохи цивилизации, времени переходного. «В этом дальнейшем развитии наступает феномен, новый факт, который никому не миновать, это развитие личного сознания и отрицание непосредственных идей и законов (авторитетных, патриархальных законов масс). (...) Это состояние, то есть распадение масс на личности, иначе цивилизация, есть состояние болезненное. (...)

Если бы не указано было человеку в этом его состоянии цели — мне кажется, он бы с ума сошел всем человечеством. Указан Христос. (NB. Ни один атеист, оспоривавший божественное происхождение Христа, не отрицал того, что Он — идеал человечества. <...>).

В чем закон этого идеала? Возвращение в непосредственность, в массу (...). И странное дело. Человек возвращается в массу, в непосредственную жизнь, следовательно, в естественное состояние, но как? Не авторитетно, а, напротив, в высшей степени самовольно и сознательно. <...>

В чем идеал?

Достигнуть полного могущества сознания и развития, вполне сознать свое я и отдать это **все** самовольно **для всех (...)**.

Итак, Достоевский различает три типа сознания:

прошлое — естественное, цельное сознание патриархального, первобытного роя;
современное — большое и расколотое, индивидуальное сознание цивилизованного человека;

будущее — идеальное сознание, добровольный отказ от своей индивидуальности.

Эти три типа и являются главными героями «Преступления и наказания» — романа, в глубинах которого существует слой, где словно в старинной аллегории действуют не люди, а персоны, олицетворения. Типы сознания. Мы без труда их узнаем по именам: Соня — София-Мудрость, идеальное сознание будущего, Раскольников — переходное, большое сознание, Разумихин — трезвый, обыденный, «профанический» разум... Вместе с тем, в «материальных» слоях романа все они — вполне реалистические литературные герои. Различные образы одного персонажа накладываются друг на друга, пропускают один сквозь другой, множатся, давая рефлексы и отражения.

Разбирая эту сложную призрачную жизнь, я не буду касаться вовсе мира социальной действительности, так называемого «идейного» слоя романа, полно описанного отечественной критикой. Моя цель — пробраться в подземелье, чтобы, спустившись как можно ниже, проникнуть в самые высокие сферы романа.

1

Нелегко распознать в Родионе Раскольникове мертвца.

Слишком живо нарисован этот «Шиллер», этот «бледный ангел», чтобы можно было сразу догадаться, что он — ходячий труп...

Однако, подобный образ далеко не редкость. Символических мертвцов в русской литературе предостаточно — от «Мертвых душ» до «Живого трупа», от блоковского «Как тяжко мертвому среди людей» до пьесы Леонова «Нашествие», где бывший купец, бежавший после революции за границу и вернувшийся в родные края вместе с фашистами, в перечне действующих лиц так и обозначен — «из мертвцов», и Демидьевна, старуха «из народа», бросает ему: «Не посмотрю, что Лазарь. Вдругорядь уже поглубже закопаем, чтоб не вылезал».

Живой мертвец мелькает и в личных записях Федора Михайловича. В те же дни, когда он начал работу над «Преступлением и наказанием», он пишет в своей записной тетради об «огромной массе отживших людей, ходячих трупов», к коим относил пресловутых «лишних людей» и «нигилистов».

Общеизвестно также, какое важное место занимает в «Преступлении и наказании» рассказ об ожившем покойнике — притча о Лазаре из Евангелия от Иоанна. Притчу обсуждают, читают вслух, ее символика пронизывает текст романа. Все это исследователи изучили и описали весьма подробно. Однако, никто, по-видимому, не заметил, что автор уподобил Лазарю и главного своего героя.